

**ЭТНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ МАРИЙЦЕВ
МЕЖДУ ТЮРКАМИ И СЛАВЯНАМИ**

Этническая история того или иного народа обусловлена воздействием многих факторов. Среди них важное значение имеет этнокультурное и этнополитическое окружение.

Марийцы (черемисы) относятся к коренному населению лесной зоны Восточно-Европейской равнины. Они проживают в основном на берегах реки Волги в среднем ее течении, захватывая небольшую территорию на правобережье близ устья реки Суры, а главным образом по левобережным притокам Волги – Ветлуге, Большой и Малой Кокшагам, Илети, а также в среднем и нижнем течении реки Вятки.

Численность народа, по материалам первой Всероссийской переписи (1897 год), составляла 375,2 тыс., по последней Всесоюзной переписи (1989 год) – 670,8 тыс. человек (в том числе в РСФСР 644 тыс.), по Всероссийской переписи 2002 года – в РФ 604 тыс.¹.

Общие отдаленные предки марийцев и других угро-финнов, как предполагают ученые, пришли на Восточно-Европейскую равнину с востока и юга. Но марийский народ с присущими именно ему этническими особенностями и чертами сформировался в основном на ныне занимаемой территории. Поэтому правомерно считать, что марийцы являются коренными, автохтонными жителями Среднего Поволжья. Но их формированию предшествовала на этой территории многотысячелетняя история первобытных людей.

В глубокой древности, когда происходило заселение и освоение человеком Восточно-Европейской равнины, территория современного Марийского Поволжья представляла собой приледниковую зону и частично даже была занята самими ледниками. При их таянии образовалось обширное море, занимавшее низменные равнины, куда вклинивались северные отроги Приволжской возвышенности на правом берегу Волги. Они были покрыты обильной растительностью, представлявшей собой хороший корм для древних диких животных, характерных для ледникового периода (мамонты, шерстистые носороги, олени и т.д.). В погоне за ними сюда проникали группы первобытных охотников с юга.

Именно так началось заселение данной территории. Разумеется, древнейшие обитатели приледниковой зоны – бродячие охотники на мамонтов – этнически не могут быть идентифицированы. К тому же, имеющийся археологический материал не позволяет судить о преемственности населения на протяжении последующего длительного исторического отрезка времени.

С постепенным освобождением от воды и левобережная равнина становилась пригодной для обитания человека. Стоянки первобытных людей эпохи мезолита свидетельствуют о том, что они оставлены не бродячими охотниками, а людьми, перешедшими к оседлости. Население, следовательно, не только численно возрастало, но и становилось более или менее постоянным, складывалась определенная преемственность культурных традиций, передаваемых от одного поколения к другому.

Конечно, и о населении этого периода нельзя говорить как о носителях конкретных этнических признаков, впоследствии проявившихся в марийском народе. В то же время археологи отмечают, что местные культурные традиции складывались от сложного переплетения черт, привносимых переселенцами как с юго-запада, так и с юго-востока (в языковом отношении предполагается, что первые были предками

носителей индо-европейских языков, вторые могли относиться к урало-алтайской общности). О том, что Марийское Поволжье входило в контактную зону между Западом и Востоком, свидетельствует и антропологический тип населения, издревле сочетающий европеоидные и монголоидные черты. Исследователи полагают, что уже население мезолита имело определенные местные особенности, имевшие потенциальные тенденции преломиться в ходе эволюции в этнические признаки обще-финно-угорского (вернее – прауральского) свойства, характерные и для древних марийцев².

В новом каменном веке (неолите) и особенно во времена, когда стал использоваться металл (5–3 тысячелетия до н.э.), существенно увеличилась численность населения края, оно стало осваивать не только берега Волги, но и ее притоки и мелкие речки в глубине лесной территории.

Эти племена исследователи относят к древнему финно-язычному населению Поволжья и Приуралья, от которых уже отделились самодийцы и угры. Эти прямые предки марийского и других родственных народов испытали сильное влияние ираноязычных племен степного юга, большими массивами проникших в географический ареал финно-язычного населения и смешавшихся с местными лесными жителями. Это сказалось и в языке, и в антропологическом типе. С этим же связано и начало распространения металлических предметов, и развитие производящих видов хозяйства (земледелия, скотоводства). Археологические памятники около устья Суры и в Волго-Ветлужско-Вятском междуречье содержат смешанные черты культур пришлого и местного населения. Останки тогдашних обитателей этих мест указывают на смешанный антропологический тип, сочетавший европеоидные и монголоидные черты (с преобладанием первых). В этот период в язык предков марийцев и других родственных племен проникли иранизмы для обозначения названий металлов, домашних животных, сельскохозяйственных культур, многих отвлеченных понятий (типа «человек», «общество» и т.п.). Для характеристики зарождавшегося этнического идентитета важно заметить, что именно древнеиранское слово *mortjo* (человек) стало основой для самоназвания народа *мари* (с первоначальным, исходным значением *муж, мужчина, человек*)³.

Другие последующие этногенетические процессы здесь продолжались в медно-бронзовую эпоху в том же направлении. Для духовного мира складывавшегося смешанного населения стал характерен земледельческо-скотоводческий культ огня, привнесенный из индоиранского мира. На приволжских памятниках, остатках поселений, сохранились большие ямы жертвенных кострищ с большим содержанием костей диких и домашних животных; там же археологи находят ритуальные комплексы орудий труда. Обряды, связанные с поклонением огню и принесением животных в качестве жертв богам, стали впоследствии неотъемлемой частью языческого культа марийцев и других угро-финнов. Поклонение солнцу отразилось и в прикладном искусстве: солярные (солнечные) знаки в виде круга и креста заняли видное место в орнаменте финно-угорских народов⁴.

Конец первого тысячелетия до нашей эры для Марийского Поволжья характеризовался началом использования железа, причем в основном из местного сырья – болотной руды. Этот материал использовался не только для изготовления орудий труда, облегчая расчистку от леса земельных участков, обработку пашни и т.д., но и для изготовления более совершенного оружия. Войны становятся неотъемлемыми спутниками жизни людей рубежа тысячелетий. Среди археологических памятников этого времени большое место занимают укрепленные городища, защищенные от неприятеля валами и рвами⁵.

С охотничьим образом жизни связан сохранившийся культ крупных лесных зверей (лося, медведя) и водоплавающей дичи.

К рубежу нашей эры на основе смешения с местным первобытным населением различных групп людей, продолжавших мигрировать с востока и юга на берега Средней Волги, на Ветлугу и Вятку, образовались этнические группы, у которых археологи видят черты, по которым их можно определить как прямых предков марийцев (прамарийцев). Они, впрочем, тогда еще входили в общий массив волжско-пермской финноязычной группировки. Эта древняя этническая основа марийского народа подвергалась новым воздействиям, смешениям, передвижкам. Но при этом преемственность основных черт материальной и духовной культуры сохранялась и закреплялась: височные кольца, элементы нагрудных украшений, некоторые особенности погребального обряда и т.д.

Древние этнические процессы происходили в условиях расширения связей и взаимодействия с родственными и неродственными племенами. К началу новой эры, как полагают языковеды, уже произошло отделение предков прибалтийско-финских народов от волго-пермских. В Волго-Уральской зоне сложились две крупные историко-культурные общности, имевшие большое сходство: ананьинская (на основе которой впоследствии формируется азелинская культура) в Волго-Камье и городецко-дьяковская на Верхней Волге и Оке. Марийское Поволжье оказалось в контактной зоне между этими археологическими историко-культурными областями⁶.

С первых веков нашей эры шло формирование финно-угорских племен. В лесной зоне Восточной Европы из синтеза влияний Запада и Востока формировались своеобразные культуры (материальная и духовная), основные черты которых дошли до наших дней.

В социальном развитии это было время начала распада первобытно-общинного строя, складывания периода военной демократии. «Великое переселение народов» задело и племена, обитавшие на границе лесной зоны и лесостепи. Племена городецкой культуры под напором степняков продвигаются на север по Суре и Оке к Волге и выходят на левобережье, в Поветлужье и оттуда на Большую Кокшагу. Одновременно с Камы и Вятки в район Большой и Малой Кокшаг проникли и азелинцы. В результате их соприкосновения и длительных контактов с участием более древнего местного населения произошли большие этнические изменения. Археологи считают, что в результате «взаимоассимиляции» городецких и азелинских племен во второй половине I тысячелетия сформировался древнемарийский этнос⁷.

Сформировавшиеся народы, кроме самоназвания, имели и названия, полученные от других народов. Многие средневековые восточно-европейские племенные образования перечислены в VI веке готским хронистом Иорданом, в том числе родственники и соседи марийцев: *merens* (меря), *mordens* (мордва), *tiudans* (чудь), *visi* (весь). В этом ряду есть загадочное наименование *imniscaris*, в котором некоторые исследователи видят искаженное название марийцев (черемис). Но достаточных оснований для этого не имеется, данное предположение следует признать большой натяжкой.

Достоверно известно, что первое упоминание о марийцах относится к середине X века (960 год): в письме хазарского кагана Иосифа в числе народов, плативших ему дань, упоминается «цармис»⁸ (впоследствии подобное название марийцев сохранилось в языках соседей: чувашском – *сярмыс*, татарском – *чирмыш*, русском – *черемис*).

В русских летописях «черемисы» впервые упомянуты в начале XII века. «Повесть временных лет», рассказывая о событиях «начальной» Руси IX века и соседях восточных славян во времена «призвания варягов» в 862 году, сообщала: «На Белеозере

седять весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же. А по Оце реце, где втечет в Волгу, мурома язык свой, и черемиси свой язык, мордва свой язык»⁹.

Несомненно, «цармис» и «черемис» – одно и то же слово, но с различной огласовкой в разных языках. Попытки объяснения этого слова имеют длительную историю. Но убедительного решения вопроса до сих пор не имеется. Можно признать установленным, что вторая часть слова «мис» означает «человек» (в финском и эстонском языках – *mies*). Следовательно, первая часть должна отвечать на вопрос: какой? Ответы исследователями даются разные: воинственный, восточный, лесной, болотный, «из племени Сар (Чер)» и т.д. Таким образом, этимология слова, которым называли марийцев соседи, до конца не выявлена, вернее всего, она восходит к древнетюркской основе. Но при любом варианте объяснения ясно одно: оно изначально было нейтральным, не содержало ничего оскорбительного, уничижительного. Из приведенных многочисленных объяснений наиболее приемлемым представляется значение – *«лесной человек»*.

При этом самоназвание народа, как сказано выше, было всегда «мари», что восходит к изначальному значению «человек» и находится в одном ряду с такими этнонимами родственных народов, как «мордва», «мадьяр», «удмурт», «мурома», «меря», «мещера».

Ко времени сложения в основном древне-марийского этноса (вторая половина первого тысячелетия н.э.) относится фактическое прекращение тесных взаимосвязей с родственными финно-угорскими племенами (кроме ближайших соседей – мордвы и удмуртов) и установление довольно близких контактов с вторгшимися на Волгу тюрками (примерно с VII–VIII вв.), которые отсекали восточно-финские племена от ирано-язычных этносов. Марийский язык уже с того раннего времени испытал сильное влияние тюркского мира. Более монголоидным стал антропологический тип.

Материальная культура древних марийцев, имея специфические особенности, сохраняла определенную общность, сходство с родственными угро-финнами, но уже начала испытывать серьезное тюркское воздействие. На южных окраинах своей территории марийское население частично ассимилировалось с мигрировавшими сюда булгарами, частично вытеснялось ими к северу.

Разложение первобытнообщинного строя у древних мари шло замедленными темпами и не смогло завершиться оформлением на основе собственных внутренних закономерностей классового образования, феодализации, формирования собственного национального государства. Уже на стадии завершения своего этногенеза древние марийцы оказались объектом внимания, геополитических интересов и экспансионистских устремлений со стороны более многочисленных и сильных, лучше в военном отношении организованных и агрессивных соседей, находившихся в стадии пассионарного подъема, подверглись внешним завоеваниям, что повергло их в состояние обскурации (выражения Л.Н. Гумилева). Их покоряли хазары, волго-камские булгары, татаро-монголы. А с запада надвигалась и теснила славянская военно-торгово-колониционная экспансия. Но и в Хазарском каганате, и в Вожской Булгарии, и в составе Золотой Орды, затем Казанского ханства сохранялся марийский этнос, в то время как ближайшие его соседи-родственники – меря, мурома, мещера, чудь заволочская, да и западные группы древнемарийских племен, оказавшиеся в зоне интенсивной славянской колонизации, начиная с IX века, исчезли с лица Земли.

Ранее, видимо, весьма многочисленные, занимавшие значительную территорию, древние марийцы сжимались, теснимые с востока тюрками, с запада славянами. Та эпоха сохранилась в народной памяти, в устной истории, в легендах и преданиях о национальных героях, боровшихся за свою свободу и независимость родной земли.

Феодализация началась у марийцев в составе Волжской Булгарии, в рамках восточного феодализма. То есть имманентное, внутреннее социально-экономическое развитие марийского этноса было перекрыто внешним фактором, связанным с включением его в зону воздействия раннефеодального болгарского общества, затем – Золотой Орды и Казанского ханства.

В прежней историко-этнографической литературе было распространено представление о древних марийцах, вплоть до присоединения к России, как о полудиких охотниках и рыбаках. Материалы археологических раскопок последнего времени свидетельствуют о наличии у древних марийцев оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства, металлообработки, в том числе ювелирного производства, развитых ремесел в сочетании с традиционными занятиями: собирательством, охотой, рыболовством, пчеловодством.

Истоки культуры марийского народа обусловлены особенностями материальной и духовной жизни первобытных племен, генетически предшествовавших формированию марийского этноса. Прежде всего, в своей основе это – культура жителей лесной зоны. Не только хозяйственные занятия и связанные с ними орудия труда и предметы материальной культуры, но и весь мир образных представлений древних марийцев, их традиции, менталитет были связаны с лесом, его обитателями, с деревьями. Дерево служило марийцу в сооружении жилища, изготовлении предметов и орудий труда, домашней утвари; ягоды и плоды диких растений, травы и корни занимали большое место в рационе питания даже после перенятия от южных индоиранских племен, участвовавших в марийском этногенезе, навыков земледелия и скотоводства. Охота, собирательство, рыболовство, бортничество (сбор меда диких пчел) – важные занятия древних марийцев, особенно в северных и северо-западных районах их обитания. В целом, хотя земледелие и скотоводство среди предков марийского народа, по археологическим данным, стали развиваться еще на стадии раннего металла (начало II тысячелетия до н.э.), у марийцев в период их этногенеза преобладал охотничье-рыболовецкий тип хозяйства. Это накладывало определенное воздействие как на материальную, так и на духовную культуру.

Древние языческие культы марийцев были тесно связаны с лесом, деревьями. Своим богам (Юмо) они молились в священных рощах (ото, кюсото). Самыми почитаемыми, священными деревьями у них были береза и рябина. Поклонение силам природы занимало центральное место в языческой религии древних мари. Они поклонялись солнцу, воде, ветру. В качестве тотемных животных почитались медведь, лось, водоплавающая птица. Анимизм и семейно-родовой культ соответствовали родовому периоду и присваивающему характеру хозяйства. С развитием производящих отраслей, земледелия и скотоводства они дополнились верованиями и ритуалами, связанными с сельскохозяйственным циклом.

В глубокой древности, как и у других народов, зародилось марийское устное поэтическое творчество. Опоэтизированное возвеличивание великанов-исполинов (Онар, Алым-патыр, Нэнчык-патыр), которых поэтическое воображение народа наделило исполинским ростом и огромной физической силой, олицетворяет преклонение перед трудолюбивыми предками, корчевавшими лес под пашню, осваивавшими речные долины и прибрежные склоны. Широко распространены легенды и сказания о родоплеменных богатырях, защитниках народа от чужеземных завоевателей. Чоткар, Чембулат, Акпатыр – любимые эпические герои, наделенные бессмертием и приходящие на помощь родному народу и после своей видимой смерти. Генетически они родственны сказочным героям народов Востока. Но в соответствии с суровой исторической реальностью марийские эпические герои получили трагический облик. На-

ряду с такими пассионариями, основная масса населения, видимо, уже тогда была поражена психологией непротивления, смирения, предпочитая уйти от военных конфликтов в глухие леса и болота, оставляя тюркам и славянам обжитые места. Родо-племенные богатыри перед решающими событиями умирают, и народ остается беззащитным. Умирая, они дают соплеменникам надежду, что в час смертельной для народа опасности они выйдут из могил и придут на помощь землякам. Но они оказываются вызванными из могил обманом (или из-за мальчишеского любопытства, или по злему умыслу предателей) и, обидевшись, не приходят на помощь во время решающих битв. Так марийцы оказываются покоренными.

Народное музыкальное творчество марийцев зародилось и развивалось на основе пентатоники (пятивучия), что было характерно для огромного географического пространства от Японии до Шотландии. От времен этногенеза и финно-угорской близости через века пронесены старинные музыкальные инструменты: тумыр (барабан), шувыр (волынка), различные трубы, карш или кусле (гусли).

Глубокие исторические корни и богатые традиции и эстетическую ценность имеют деревянная резьба и вышивка. Узоры вышивки сочетались с нашитыми раковинами каури с берегов Индийского океана¹⁰.

У древних марийцев высокого уровня развития получили ремесла: кузнечное, ювелирное, гончарное. В археологических памятниках найдены богатые наборы украшений из меди, бронзы и различных сплавов местного производства, а также предметы, произведенные в отдаленных южных и восточных регионах, что свидетельствует о развитых торгово-обменных связях¹¹.

Исторические взаимосвязи древних марийцев в период их этногенеза были главным образом ориентированы на соседние родственные финно-угорские племена. Но древние марийцы, оказавшись еще на заре своей истории в зоне политических интересов славянского и тюркского миров, рано потеряли свою самостоятельность и стали развиваться в системе раннефеодальной государственности других народов. При этом большая часть территории их проживания была подвергнута влиянию и воздействию тюркского Востока.

Вместе с волго-камскими булгарами и другими приволжскими и приуральскими племенами древние марийцы были покорены татаро-монгольскими завоевателями. Во время стремительного завоевания Батыем Волжско-Камской Булгарии и затем русских земель лесные районы финно-угров остались в стороне от продвижения монгольской конницы, но затем они тоже подверглись нашествию и разорению. Венгерский монах-путешественник Юлиан сообщал: «...они (татаро-монголы) напали на Ведин, Меровию, Пойдовию и царство морданов»¹². Эти земли непосредственно вошли в состав Золотой Орды, составляя там крайнюю северную периферию. Северные границы Золотой Орды не фиксировались точно, и поэтому можно полагать, что марийцы имели возможность пользоваться некоторой полусвободой, своеобразной «автономией». Золотоордынское «иго» ограничивалось в основном сбором дани руками местной феодализирующейся родо-племенной верхушки. Это было обусловлено не только удаленностью марийских земель от центральных районов Золотой Орды, но, прежде всего, географическими условиями лесной зоны, не пригодной не только для постоянного проживания кочевников, но даже для размещения каких-либо более или менее постоянных крупных воинских контингентов. Для удобства сбора дани и выполнения других повинностей край был разделен на даруги и беляки, а население стало делиться на десятки и сотни. Так появились новые социальные категории – тарханы, десятники, сотники.

Представители местной феодализирующейся знати, кроме сбора дани (ясака), обязаны были участвовать в военных походах золотоордынских правителей. Итальянский путешественник Плано Карпини, посетивший Золотую Орду, писал: «...Татары требуют от них (т.е. от покоренных народов.– К.С.), чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества»¹³. Так, например, в войске Мамаю во время Куликовской битвы упоминаются и «черемисы»¹⁴. Из летописи Ветлужского края известно также, что в 1394 году «узбеки» (имеются в виду посланцы хана Узбека) на Ветлуге собирали пригодных к военной службе черемис в ханское войско¹⁵.

Параллельно этому тоже в течение длительного исторического периода происходило вовлечение западных групп марийцев в зону русского влияния и владычества. Еще во времена Киевской Руси начался этот процесс. В «Слове о погибели Русской земли» сообщалось: «Буртаси, черемиси, вьда и мордва бортничаху на князя великого Володимера...» (т.е. поставляли дань медом). Великий Новгород осуществлял свой натиск на северо-восток, при этом в зону его господства попали и марийские земли в верховьях Ветлуги и в бассейне Вятки.

Продвижение русских на восток и северо-восток продолжалось и в период феодальной раздробленности Руси, и в период господства Золотой Орды. Костромское, Галичское, Нижегородское княжества включали в свой состав и земли, населенные марийцами. Особенно интенсивным было внедрение русского населения в междуречье Унжи и Ветлуги и в Поветлужье, населенное до этого, судя по археологическим материалам, марийскими племенами.

Нижегородский князь Константин «повеле русским селиться по Оке и по Волге и Кудьме». В конце XIV века к западу от Ветлуги, в «местности, населенной черемисами», упоминается русское село Разнежье. Тогда же в низовьях Суры был поставлен город Курмыш (этимология этого названия от марийского слова «курныж» (ворон) не вызывает сомнения). В связи с чем князь нижегородский Борис земли в нижнем течении Суры до ее впадения в Волгу со всеми лугами, озерами, бобровыми гонами подарил Благовещенскому монастырю. В отместку за это золотоордынский хан Арапша, считавший эти земли своими, вместе с вассальными мордовскими князьками «огнем пожгле» Засурье (в изложении русского летописца это – территории, находившиеся от Руси за Сурой, т.е. горномарийская сторона).

Известны летописные свидетельства о распространении власти Галичского княжества на ветлужских марийцев и присоединении Ветлужского черемисского княжества во главе с «кугузом» (*кугуза* – старший мужчина в роду, отсюда образовалось и слово *кугижа*, т.е. государь, царь) и что галичские князья в свое войско привлекали «чудь и луговую черемису». История этого «черемисского княжества» интересна в связи с тем, что она возникла на территории, равно удаленной как от русских княжеств, так и татарских владений, на землях, где власть тех и других была номинальной и лишь эпизодической, куда по-настоящему «не доходили руки» как тех, так и этих завоевателей. Это показывает, что внутренние этно-социальные силы марийского народа созрели для создания собственной национальной государственности с четкой этнической идентификацией, но он не мог реализовать эту возможность из-за внешних условий. Марийские «кугузы» Ходжа-Яралтем, Кай, Бай-Борода в течение длительного времени лавировали между русскими и татарами¹⁶. «Ветлужский черемисский князь» Кельдебек в начале XV века в союзе с казанцами и вятскими правителями боролся против проводников московской политики на Северной Двине, в Великом Устюге, успешно соперничая с Галичем и Костромой. Но к середине XV века княжество было ослаблено засухой, моровой язвой, эпидемией чумы, внутрен-

ними распрями, предательством части родо-племенной верхушки, принявшей христианство.

Со стороны Вятской земли шло продвижение русского населения вниз по реке Вятке. Как и везде в таком случае, сочетались мирные крестьянские переселения в районы с редким местным населением и военно-грабительские походы вооруженных отрядов. Ими были захвачены марийские укрепленные пункты Кокшаров (предположительно на месте нынешнего города Котельнича) и Кукарка (современный город Советск Кировской области). Не ограничиваясь вятским побережьем, ушкуйники совершали и более отдаленные походы. В 1374 году, например, они, «идучи, много сел по Ветлуге пограбиша»¹⁷. В марийских преданиях сохранились сведения о народных предводителях, возглавлявших сопротивление завоевателям.

Как и на Волге и Суре, на Вятке коренное марийское и удмуртское население становилось объектом военно-политического соперничества Руси и Золотой Орды. Сохранились многочисленные известия о взаимных опустошительных военных походах русских и татар, от которых, в первую очередь, терпело большой урон местное коренное население.

В процессе объединения русских княжеств вокруг Москвы в состав формировавшегося Русского государства вошли и некоторые марийские земли. Конкретно в данном случае речь идет о тех территориях, которые до этого уже входили в Галичское, Костромское, Нижегородское княжества, в Вятскую землю.

Большая часть марийской территории, входившая в состав Золотой Орды, при ее распаде в середине XV века оказалась в подчинении Казанского ханства. При этом западная граница этого государства фиксировалась по Суре и Ветлуге, а на севере, как и во времена Золотой Орды, она была неопределенной, но во всяком случае она проходила гораздо севернее нынешних пределов Марийской республики, вероятнее всего в районе города Котельнича.

Показательно, что Казанский летописец отмечает, что «худые болгары и черемиса» радостно восприняли образование сильной территориальной власти, способной защитить их в условиях непрерывных военных опустошений со стороны русских ушкуйников и различных бесконтрольных татарских отрядов¹⁸. В административно-фискальном, военном и религиозном отношении Казанское ханство для марийцев было прямой преемницей Золотой Орды. Если в зоне русского проникновения уже тогда христианизация (в первую очередь феодализировавшейся родо-племенной верхушки) занимала важное место в политике, то в Казанском ханстве, как и в Золотой Орде, была полная веротерпимость.

На длительный период установились отношения военного соперничества и противостояния за господство в Восточной Европе между двумя крупными феодальными государствами: Великим княжеством Московским и Казанским ханством. За 100 лет (с середины XV до середины XVI вв.) казанцы совершили более 30 походов на русские земли, столько же – русские войска на казанские земли¹⁹. Эти разорительные походы проходили по марийским и чувашским землям, производя большие опустошения. При неудачном исходе вылазки на русские земли и города вооруженные отряды казанских ханов на обратном пути грабили марийские и чувашские деревни, чтобы не возвращаться домой с пустыми руками. Со своей стороны русские войска все территории восточнее Суры и Ветлуги считали неприятельскими и обходились с ними соответствующим образом. К тому же в ханских отрядах участвовали и марийские воины, обязанные нести военную службу. Поэтому московские войска, совершая походы на «Казанскую землю», не делали никаких различий в том, кого грабили и разоряли: татар или чувашей и черемис.

Непрерывные войны разоряли оба государства. Особенно от этих разорительных походов и взаимных опустошений страдали районы марийско-чувашского Поволжья, оказавшиеся между «молотом и наковальней». Поэтому население этих районов было кровно заинтересовано в том, чтобы военному противостоянию Москвы и Казани был положен конец.

В сложившихся условиях у значительной части народа выработалось мироощущение, означавшее осознание того, что марийцы не могли освободиться от гнета татарских феодалов, избавиться от нависшей опасности как русской, так и крымско-турецкой экспансии, бесчисленных военных опустошений и грабежей и создать свое независимое национальное государство. Это объяснялось не только их малочисленностью. Марийцы не имели политического центра и социальной силы, вокруг которых могли бы объединиться. Класс феодалов у них не сформировался, только шел процесс феодализации родо-племенной верхушки. И среди нее не было единства по отношению к Казанскому ханству. Часть ее представителей, в первую очередь среди горных мари, на берегах Волги, на территориях, близких к русским землям, ориентировалась на Москву, другая же часть, особенно в тех районах, которые находились близко от Казани, активно поддерживала ханскую власть. Тогда не могло быть и речи о создании национального феодального государства в Марийском крае, который находился на стыке двух крупных, сильных феодальных государств Восточной Европы. Следовательно, вопрос стоял только так: или оставаться в составе Казанского ханства, или войти в состав Российского государства.

Земли горных марийцев находились ближе к русским, чем луговых. Поэтому русское продвижение на восток раньше коснулось их. Еще в 1523 году в устье реки Суры на месте горномарийского поселения Цепель был воздвигнут город Васильсурск для усиления натиска на Казанское ханство. В связи с этим уже тогда близлежащие марийцы стали подданными московского царя²⁰.

В декабре 1546 года представители «горной черемисы» во главе с сотником Тугаем прибыли в Москву просить Ивана IV принять их под свое подданство и обещали помогать русским войскам завоевать Казань²¹. И действительно, в следующих московских походах против татар принимали участие и горно-марийские отряды. Об обращении горных мари в Москву с просьбой принять их в состав Российского государства рассказывается и в народных преданиях. В них говорится, что горные марийцы, стремясь освободиться от власти Казани, выбрали из своей среды наиболее уважаемых предводителей (мужанов) – Акпарса, Аказа, Ковяжа, Яныгита, послали их в Москву. И они просили Ивана IV принять марийский народ под свою руку. В предании рассказывается, что царь держал марийских послов около себя с большим почетом, одарил их ценными подарками и по их просьбе послал на Казань большое войско и что в этом походе участвовали и горномарийские отряды²².

Но в последующие три года походы московских войск были безуспешными, и царь Иван решил построить военную базу для натиска на Казань поближе к ней, в устье реки Свияги. Летом 1551 года это строительство началось. Уже на третий день после прибытия русских отрядов к устью Свияги к воеводам явились представители «горной черемисы», чувашей, мордвы, просили оформить окончательно их подданство и всячески помогали строить город, снабжали его продовольствием²³. В течение лета многочисленные делегации от жителей Горной стороны ездили в Москву, где их закармливали подарками, подкупая перед решающим наступлением. А самое главное, что получили горные марийцы и чуваша за свою покорность русскому царю – их на три года освободили от ясака²⁴. И когда следующим летом начался завершающий поход огромного русского войска, оно проходило по покорной земле, жители которой заго-

товили для московских воинов много «хлеба и скота», расчищали дороги, «на всех реках мосты мостили»²⁵.

Земли луговых марийцев («Луговая сторона» по русским летописям) оказались в иных условиях по сравнению с горным правобережьем. Они были расположены в непосредственной близости от центра ханства, связи их с Казанью были развиты сильнее. В 1551 году новая граница между Русским государством и Казанским ханством стала проходить по середине реки Волги, т.е. земли луговых мари остались под властью казанского хана.

Летом 1552 года Иван IV двинул на Казань огромное войско, в походе участвовали и отряды горных марийцев. В то же время луговые мари оказывали помощь защитникам Казани. Особенно это проявилось в том, что они стали нападать в тыл русским войскам, осаждавшим город. Иван IV направил часть своих войск, в составе которых были и «горные люди», на север от Казани «на многие места и велел воевати». Предпринятая военная операция сопровождалась жестокой расправой не только над вооруженными отрядами, но и над мирным населением, охватив территорию до 150 верст на север. Летописец писал: «И пошли воюючи и села жгучи... И быша убиения человеческая велика, и кровми поляся варварская земля; блага и дебри, езера и реки намостишася черемисскими костями». Во время похода было захвачено у мирных жителей и пригнано в русский военный лагерь «бесчисленное множество скота». Взятые в плен 12 «арских князей», 7 «черемисских воевод», 300 сотников и 5 тысяч простых воинов были казнены перед казанскими стенами для устрашения защитников города.

2 октября 1552 года после кровопролитных боев Казань была захвачена русскими войсками, Казанское ханство перестало существовать. Сразу же после победы Иван IV послал по улусам обращение к местным предводителям прибыть для принесения присяги. Летописи сообщают, что в последующие дни и недели из многих мест явились, чтобы присягнуть русскому царю, в том числе сообщалось о прибытии «с Луговой стороны черемисы». В некоторых местах присягнувшее население тогда же уплатило и ясак новым хозяевам²⁶.

Разгром Казанского ханства и приведение к присяге представителей Луговой стороны отнюдь не означали установления мира на этой земле. Уже в декабре 1552 года здесь вспыхнуло восстание местного ясачного населения. Марийцы части Луговой стороны, не уплатив ясак, перебили его сборщиков, соединились с жителями Арской стороны и вместе с ними направились к Казани. Высланные навстречу им отряды казаков и стрельцов были разбиты.

Так началось восстание, с марта следующего года переросшее в мощное национально-освободительное движение. Оно растянулось на 30 с лишним лет (с перерывами) и прошло три этапа, получивших общее название – «черемисские войны». Документальные свидетельства того времени ярко рисуют и общенародный размах национально-освободительного движения, и его переплетение с борьбой против жестоких, безудержных ясачных поборов, и жестокость карателей.

В 80-х годах XVI века были предприняты решительные шаги по усмирению мятежного края и упрочению в нем позиций Москвы посредством постройки новых военно-опорных пунктов. В это время были основаны «в Черемисе» города-крепости Козьмодемьянск, Царевкокшайск, Царевосанчурск, Яранск, Уржум, Малмыж. Города с самого начала были исключительно русскими. Марийцам не разрешалось в них селиться. Более того – они должны были освободить территорию вокруг городов в радиусе до пяти верст.

Эти события означали окончательное покорение Марийского края, установление и упрочение здесь административной власти Московского государства. Царизм с са-

мого начала проводил по отношению к марийцам политику национально-колониального гнета. Более того, само присоединение края сопровождалось неслыханными жестокостями и бесчинствами по отношению к местному (как к мятежному, так и к мирному) населению, которые были аналогичны синхронным «подвигам» испанцев в Америке. Это вызывало естественное возмущение, сопротивление завоевателям. «Черемисские войны» второй половины XVI века были национально-освободительным движением. Карательные экспедиции, подавляя его, руководствовались господствовавшими тогда моральными и юридическими нормами («прав тот, кто сильнее», «правда всегда на стороне победителя»), «воюючи и жгучи» все на своем пути. В ходе этих событий, в результате жестокого подавления сопротивления, численность марийцев, особенно в центральной части Луговой стороны, значительно (во всяком случае – не менее чем наполовину) сократилась. Это осталось незаживающей кровоточащей раной в исторической памяти народа, в его мировосприятии, фольклоре, самосознании.

Жестокость карательных экспедиций, насилие, которым сопровождалось насаждение нового управления, и навязывание чуждой религии, вызвали в массовом сознании покорившегося населения состояние духовной угнетенности, рабскую психологию униженности, собственной второсортности.

А под этим, в глубине народного сознания, сохранялась память о Болтуше, Мамич-Бердее и других героях, боровшихся и погибших за свободу.

Тогда же, со второй половины XVI века, началось бегство спасшихся от уничтожения карателями, но не покорившихся марийцев от все усиливавшегося царского гнета и начавшейся христианизации на восток, в Закамские, Башкирские земли. Отрываясь от основной этнической массы, переселенцы положили начало формированию этнографической группы восточных мари.

После присоединения марийцев и других народов Поволжья и Приуралья к Российскому государству их земли стали объектом русской колонизации – в первую очередь по берегам крупных и средних рек. Появились города-крепости с русским населением, окруженные также сельскими поселениями русских крестьян. Но в целом колонизационный поток как бы прошел сквозь этот многоэтничный и многоконфессиональный массив, растекаясь и устремляясь дальше в менее населенные места – по Волге в ее низовья или по Каме и ее притокам за Урал, в Сибирь.

Славянский мир продвинулся на эти территории и от тюркского юго-востока отгородился системой укрепленных линий, оставив у себя в тылу разноликое Поволжье и Приуралье. Это, конечно, не означало, что теперь мари, удмурты, мордва, да и чуваша (хотя последние и относились к тюркам, но были, как и первые, язычниками) полностью оказались под русским влиянием и воздействием. В политическом отношении – да, безусловно. Но в социокультурном отношении воздействие тюркомусульманского мира на языческие народы еще долго оставалось преобладающим.

Именно в связи с этим начала складываться российская государственная национальная политика, которая была направлена, в первую очередь, на ослабление татаромусульманского влияния в регионе, на установление русско-православного не только политического и экономического (через посредство внедрения «колониального феодализма»), но и религиозно-культурного господства.

Раннее попадание марийцев под чужеземное господство и нахождение в течение последующих веков под ним выработали у них психологический стереотип, что ими могут управлять только представители других народов. Насильственное насаждение чуждого лесным язычникам православного христианства, сопровождавшееся жестокими гонениями в отношении приверженцев традиционных верований, под-

рывало внутренний духовный стержень народа. Длительное время они сопротивлялись христианизации. Они понимали значение собственной национальной религии для самосохранения народа, воспринимали древнемарийскую религию как олицетворение этноса. Они говорили христианским миссионерам: «Нашу веру кончать – нас кончать».

Отдельные группы марийцев в восточных районах этнической родины и особенно среди восточных мари сохранили дохристианские языческие верования и стали называть себя «чимари», т.е. настоящие, истинные мари.

В связи с массовой христианизацией вместе с тем появились первые зачатки распространения образования среди марийцев. В целях подготовки попов-миссионеров из коренной национальности появилось национальное церковное обучение на родном языке, зародилась письменность для издания христианско-религиозной литературы. Священнослужители часто выступали одновременно в качестве учителей и первых литераторов, переводчиков, исследователей языка, культуры, обычаев родного народа.

После отмены крепостного права и буржуазных реформ в России во второй половине XIX века произошли значительные изменения в социально-экономической и духовной жизни марийцев, хотя общественные процессы у них, как и у многих других нерусских народов, в Российской империи развивались замедленно, марийцы оставались этносом с неполной социальной структурой.

Начало XX века характеризовалось проникновением в среду марийского населения освободительных, демократических, просветительских идей и настроений, появлением зачатков национального движения. Это происходило под воздействием российского освободительного движения и инициировалось силами молодой, начавшей формироваться национальной интеллигенции, которая поставила задачу возрождения родного народа.

Следует обратить внимание, что центром формирования марийской демократической просветительской интеллигенции был город Казань, Первые марийские интеллигенты были в основном выпускниками Казанской инородческой учительской семинарии, духовной семинарии и других учебных заведений города. В Казани в 1907 году стал издаваться первый литературно-художественный и общественно-политический ежегодник «Марла календарь». Развитие татарского общественного, культурного движения оказывало самое благотворное влияние на первых марийских интеллигентов, многие их начинания можно даже назвать явлениями, возникшими из простого стремления следовать примеру татарских просветителей.

Февральская демократическая революция имела огромное значение в этническом пробуждении малочисленных народов России, в том числе марийцев. Просветительская интеллигенция стала вести активную общественную работу, наметила обширную программу национального развития, стала катализатором народного самосознания. Большую работу по пропаганде родного языка, духовных ценностей и вообще по духовному возрождению родного народа проводила газета «Ужара», которая стала издаваться в Казани с 25 августа 1917 года.

Татарский город Казань в 1917–1918 гг. был центром национального пробуждения мари. Национальный съезд мари, состоявшийся в Казани в феврале 1918 года, поддержал Советскую власть. Съезд также принял важное, с точки зрения утверждения национального самосознания, решение: «Отменить существующее название народа мари «черемисы» ввиду его ненационального происхождения и заменить его исторически национальным именем «мари»²⁷.

В первые полтора десятилетия Советской власти национальное самочувствие марийского народа значительно укрепилось.

В 1930-х годах вся работа старой просветительской интеллигенции по национально-культурному и языковому строительству была расценена как «национализм», и первое поколение национально мыслящих интеллигентов и общественных деятелей было репрессировано. Культуре народа, его самосознанию был нанесен непоправимый урон²⁸.

В конце 1980 – начале 1990-х годов начали происходить изменения, обусловленные общероссийскими (общесоветскими) процессами демократизации. Тревога за будущность родного народа стимулировала возникновение национально-демократической организации культурной направленности – «Мари Ушем». Возрождение марийского национального движения во многом стимулировалось примером родственного эстонского народа, результативной деятельностью Народного фронта Эстонии. Большое значение имело формирование финно-угорского движения солидарности, объединившего восточные и западные финно-угорские народы. Но не менее значимым (если не преобладающим) было влияние соседнего татарского народа. Как отмечает составитель сборника о марийском национальном движении С.М. Червоная, «при всех этнических, языковых и конфессиональных различиях, которые, казалось бы, давно должны были развести марийцев и татар по разным берегам волжских притоков и даже сделать их врагами, соответственно замыслам творцов и исполнителей имперской политики по принципу “разделяй и властвуй”, на самом деле между Марийским краем и Татарстаном существовали теснейшие связи, у которых были свои глубинные исторические корни. Все духовные, культурные, политические импульсы, которые шли из Казани, очень чутко воспринимались в Марийском крае, позитивный опыт соседей, возбуждая естественную ревность, очень быстро усваивался...»²⁹.

Примечания

- ¹ Сануков К.Н. Марийцы: прошлое, настоящее, будущее. Йошкар-Ола, 1992.
- ² Происхождение марийского народа: материалы науч. сес. Йошкар-Ола, 1967.
- ³ Гордеев Ф.И. К вопросу о происхождении этнонима мари // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1964. Вып. 1.
- ⁴ Соловьева Г.И. Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола, 1982.
- ⁵ Архипов Г.А. Этногенез и раннесредневековая история марийцев: науч. докл. ... д-ра ист. наук. М, 1991.
- ⁶ История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986. Т. 1.
- ⁷ Архипов Г.А. Происхождение марийского народа по археологическим данным // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
- ⁸ Коковцев П.К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л, 1932.
- ⁹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. С. 13. Ч. 1.
- ¹⁰ Соловьева Г.И. Указ. соч.
- ¹¹ Архипов Г.А. Этногенез...
- ¹² Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3.
- ¹³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- ¹⁴ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XXXVII. С. 34.
- ¹⁵ Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998.
- ¹⁶ Нижегородский край в документах, цифрах, рассказах, мнениях. Нижний Новгород, 1992.
- ¹⁷ ПСРЛ. Т. XI. С. 20.
- ¹⁸ Казанская история. М.; Л., 1954. С. 53.
- ¹⁹ 425-летие добровольного вхождения Чувашии в состав России. Чебоксары, 1977. С. 75.
- ²⁰ ПСРЛ Т. VIII. С. 270.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 149–150. Т. 20. С. 468.
- ²² Четкарев К.А. Марийское предание об Акпарсе // Тр. МарНИИ, 1955. Вып. VII.
- ²³ ПСРЛ. Т. 20. С. 523.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 164–165.

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 200–201.

²⁶ ПСРЛ. Т. 19.

²⁷ Национальный съезд мари. Казань, 1918. С. 32.

²⁸ *Sanukov Ksenofont*. Stalinist Terror in the Mari Republic: the Attack on 'Finno-Ugrian Bourgeois Nationalism' / *The Slavonic and East European Review*. Volume 74. № 4. October 1996. P. 658–682.

²⁹ Пробуждение финно-угорского Севера. Опыт Марий Эл. Т. 1. Национальные движения Марий Эл. М., 1996. С. 21–22.

O. ZEMTSOVA

CHURCH AND SCHOOL: MISSIONARY ACTIVITIES AND ASSIMILATION POLICY IN THE MIDDLE VOLGA REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The 19th century Russian empire represented a complex entity comprised of groups of people different by ethnos, language and religion. Among the crucial questions on the empire's agenda and in public discourse was the question of Russianness, the assimilation of ethnic non-Russians or at least their acculturation and making them loyal to the empire.

One of the most wide-spread ideas was that to become a Russian one had to convert to Orthodoxy first. Being an Orthodox was taken for granted when speaking about ethnic Russians, whereas in regards to huge non-Russian population in the multiethnic peripheries, conversion to Orthodoxy meant assimilation with Russians in terms of religion and, later, language and culture.

The Middle Volga region, which is in the focus of my research, is viewed as a multiethnic and religiously heterogeneous entity. The population of the region was comprised of various ethnic groups-Tatars, Chuvash (Turkic language group), Mari, Udmurt, Mordvins (Finno-Ugic language group), coming from either Islamic or animistic background.

The issue of Russification is also a tricky one, because it is connected with even the trickier notions of assimilation, acculturation, *rapprochement* and in the 19th century rhetoric the authors often used them interchangeably. However, many actors did speak about the assimilation before 1905, the question is, to what extent. In views of many, non-Russians would always remain inferior to the Great Russian nation and should be grateful to them for the spread of the Russian language and Orthodox religion which they would undoubtedly accept. The evaluation of the phenomenon is complicated because of the subsequent process of *korenizatsiya*, launched in 1920–1930, which was the institutionalization and territorial definition of ethnicity.

The assimilation or acculturation policy was to be conducted on several levels: through Church, school, marriages and the empire was trying to regulate all the three layers. In spite of the fact that the clergy was actively involved in missionary and teaching activities, the church found itself under pressure from both the Ministry of Education and zemstvo organizations, who stood against the missionary and educational activities of the Brotherhoods, as a result of which it was very difficult to open a new parish or missionary school¹. During the Great Reforms of 1860–70s, according to the order of January 18, 1862 the responsibility for public primary education was assigned to the Ministry of Education².

Since the Minister of Education Tolstoy conducted the policy of secular education, the parish schools, with strong religious component, lost their significance. As a result, the seminaries became less popular than the *zemstvo* schools and many of them closed down. The other factor that contributed to the difficulties in parish schools was the hard financial situation of the teachers from the clergy. When in the years 1866-1880 Tolstoy simultaneously served as the minister of education and over-procurator of the Holy Synod, religious education experienced a sharp decline, as Tolstoy's plans lay in the direction of a totally secular